Анон дремал, лёжа на диване, положив одну руку под голову, а во второй сжимая так и не выпущенную из руки книгу. Он слегка улыбался во сне, наверняка снилось что-то хорошее. Ещё бы, за последнюю неделю анон улыбался едва ли не чаще, чем за предыдущие двадцать с лишним лет своей жизни. Чистое, незамутнённое ощущение радости и праздника, как в детстве. Как он сказал, увидев её в первый раз — “Сбылась мечта идиота”.

А вот и она. Тихонько приоткрыв дверь комнаты, просунула туда хитрую мордашку, поглядывая влажно поблескивающими фиолетовыми глазами. Убедившись, что парень спит, поняша вышла и прикрыла дверь, стараясь как можно тише ступать предательски цокающими по паркету копытцами. Самое время наведаться на кухню, теперь-то ей никто не помешает! Пони сглотнула слюну, вспоминая вкус хрустящих вафельных трубочек с кремовой начинкой. Человек принес утром целый пакет этих вкусняшек, но ей удалось попробовать лишь пару штук до того, как пакет оказался на самой верхней полке кухонного шкафчика. Куда ей, нелетающей пегаске, ни за что не достать! Скуталу помрачнела, вспомнив предыдущую попытку добраться до выпечки, так аппетитно пахнущей даже сквозь прикрытую дверцу шкафчика. Тогда лишь вмешательство вовремя зашедшего на кухню человека спасло её от падения, когда она балансировала на задних копытцах, пытаясь передними достать до желаемого. Пегасочка была вовремя подхвачена и аккуратно опущена на пол, а затем ей пришлось выслушать длинный монолог от непривычно взволнованного человека, из которого она, впрочем, совсем ничего не поняла. Да уж, с общением у них с самого начала не заладилось. Хотя временами человек тараторил без остановки, как болтушка Пинки Пай, толку от этого было мало — она не понимала ни слова, и могла догадываться о смысле лишь по интонации. Так, ладно, что-то она отвлеклась. На этот раз она поможет себе держать равновесие взмахами крыльев, а это значит, что совсем скоро... Ай! Гнилое сено!

Сон парня прервал раздавшийся с кухни грохот. Сунув ноги в тапки, он помчался туда, и первое что он увидел — пони, среди кучи упавших жестяных коробок с крупами, сахаром, солью и прочим содержимым шкафчика, щедро рассыпавшими по полу свое содержимое. Вдобавок ко всему, упавший бумажный пакет с мукой порвался, засыпав всё вокруг, в том числе и маленькую поняшу, которая сидела на полу и тихонько всхлипывала. Увидев человека, она отвернулась, пытаясь скрыть слёзы, но не выдержала и ещё сильней разревелась, размазывая копытцами по мордочке слёзы вперемешку с мукой. Парень наклонился и обнял пегасочку, поглаживая её по вздрагивающей от рыданий спинке.
— “Не плачь, ты же уже большая девочка. Всё будет хорошо, Скути. Я действительно не сержусь на тебя. Ты не сильно ушиблась?”
Поняша ничего не ответила, лишь уткнулась мордочкой в футболку на груди анона и продолжила всхлипывать — не столько от ушиба, заработанного при падении, как от жгучей обиды на себя и свои бесполезные крылья — ведь они снова её подвели. В конце концов успокаивающее бормотание человека и его поглаживания по гриве и спине сделали своё дело — всхлипы раздавались всё реже и реже, а затем и вовсе

прекратились. Поняша подняла заплаканную мордочку, посмотрела на анона снизу вверх и несмело улыбнулась. Парень улыбнулся в ответ, взъерошив рукой обсыпанную мукой челку поняши.
— “Ну что, грязнуля? Пора в ванну!”

Скуталу стояла в ванне, наполовину заполненной тёплой водой. Мокрая грива то и дело падала на лицо непослушными прядками, и ей приходилось сдувать их в сторону. Короткая оранжевая шерстка намокла и потемнела от влаги, четко обрисовывая контуры стоящей в ванной пони — маленькая кобылка могла похвастаться отменной фигуркой, ни капли лишнего жирка, стройная и спортивная, как и та, кем она втайне восхищалась. Анон щедро отлил шампуня в сложенную ковшиком ладонь и принялся втирать его в шерстку поняши, намыливая её. Вскоре пегасочка была вся в густой пене, с ног до головы. Парень взял ковшик и принялся смывать шампунь, расчесывая пальцами прядки фиолетовой гривы. Закончив с этим, он принялся за крылья, перебирая пальцами каждое перышко. Ему нравилось чувствовать под своими пальцами шелковистую шёрстку жеребенка, чуть напрягшиеся под кожей мускулы, мягкие перышки на крыльях. Поняша кажется, тоже не была против — она прикрыла глаза, немного напрягла и расправила крылышки, позволив пальцам человека скользить от основания до кончиков, лаская чуть подрагивающие крылья. Наконец анон с видимым сожалением оторвался от своего занятия, в последний раз проведя рукой по основанию крылышек маленькой пегаски. Скуталу недовольно фыркнула и наклонила мордочку поближе к воде, чтобы скрыть внезапно охватившее её смущение.

Парень аккуратно вымыл каждое копытце поняшки, придерживая её второй рукой под живот, чтобы Скут не потеряла равновесие. Теперь настала очередь и самого животика. Анон провел рукой по короткой шерстке, ощущая жар, исходящий от тела пони. Он смывал всю оставшуюся снизу пену, нежно касаясь животика поняши и... Он ещё раз провел пальцами по тому месту, где они побывали мгновение назад. Вымечко. Маленькое, упругое и мягкое одновременно. Кобылка издала приглушенный вздох и анон не смог сдержаться. Он принялся массировать сосочки поняши подушечками пальцев, время от времени то поглаживая, то легонько пощипывая их. Скуталу вновь прикрыла глаза, наслаждаясь новыми, неизведанными ранее ощущениями и прерывисто дыша.. Парень и сам не на шутку возбудился, но пока держал себя в руках. Посмотрев на слегка приподнятый хвост поняши, он аккуратно отвел его в сторону, открыв взгляду петельку маленькой кобылки с влажно поблескивающими каплями смазки. Застыв в нерешительности, парень думал о том, что если он сейчас всё испортит, то второй шанс ему вряд ли представится. Наконец, решившись, он протянул чуть подрагивающую руку и прикоснулся к особенному месту маленькой поняши. Но Скуталу резко подалась прочь от его прикосновения, прыжком отпрянув в сторону и окатив человека веером брызг. Ошеломленный анон смотрел на пригнувшуюся пони, поджавшую хвост, прикрывая им свою петельку. Её реакция говорила сама за себя — похоже, Скути знала, для чего предназначена эта часть её тела. И совсем не собиралась подпускать туда кого-то, тем более, безволосую обезьяну, которая и говорить-то не умеет.

Парень облизал пересохшие губы и успокаивающе произнес — “Извини. Я не хотел напугать тебя или сделать больно.”
Скуталу выглядела смущенной и шокированной, но всё же немного успокоилась, хотя то и дело подозрительно поглядывала на человека. Конец купания вышел совсем скомканным и неловким — поняша еле дотерпела, пока анон вытрет её большим махровым полотенцем, проскочила мимо него и умчалась в комнату, где она спала, оставив человека стоять с расчёской в руках, так и не дождавшись, пока он приведет в порядок её гриву.

Анон лежал и смотрел в потолок, не в силах заснуть. Он вспоминал сцену в ванной и проклинал себя за своё нетерпение и поспешность. Теперь, после того, как он так напугал маленькую кобылку, стоило ожидать того, что она и вовсе примется избегать человека. Он отвернулся к стене и вздохнул.

Скуталу лежала на диване, зарывшись в скомканное одеяло, так что лишь нос и кончик хоста торчали наружу. Она обдумывала всё, произошедшее сегодня. Для маленькой сорвиголовы давно не было секретом то, откуда берутся жеребята. Скут уже пробовала клопать, правда скрывала это даже от подруг-Меткоискателей. И представляла себе, что может делать жеребец с кобылой. Но то, что делал с ней сегодня человек... Это было неправильно. И неожиданно приятно. Поняша вспомнила ловкие пальцы на своих крылышках; руки, массирующие вымечко. Скуталу даже не подозревала, что оно у неё настолько чувствительно. Но когда человек попробовал прикоснуться к её особому месту, поняша растерялась и испугалась. До этого момента она даже не подозревала, что может кому-то нравится, как кобылка — ну кто заинтересуется мелкой задирой-пегаской без кьютимарки, которая так навсегда и останется пустобокой и неспособной к полёту? Ну и кроме того, она пони, а он — человек, какого сена он себя так повел? И ведь не похоже, чтобы хотел над ней зло подшутить — похоже, он добрый. Ну как для человека. Дискорд побери, да она до попадания сюда вообще считала людей сказкой для жеребят, ну кто же серьёзно может поверить в россказни этой чокнутой Лиры?

***